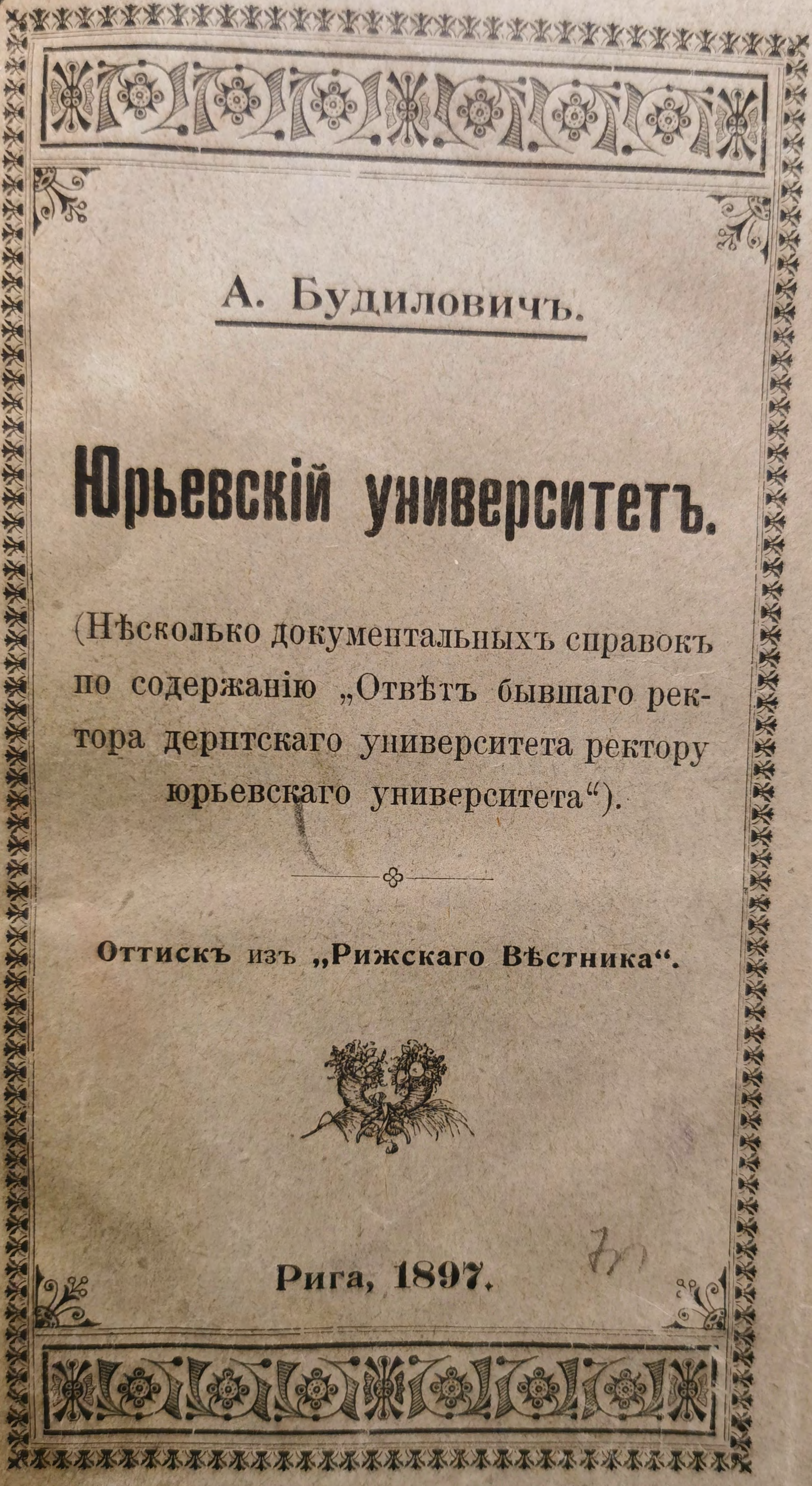

37. 39. 8. 14.

А. Будиловичъ.

Юрьевскій университетъ.

(Нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанию „Отвѣтъ бывшаго ректора дерптскаго университета ректору юрьевскаго университета“).

Оттискъ изъ „Рижскаго Вѣстника“.

Рига, 1897.

30

Дозволено цензурою. — Рига, 5-го мая 1897 г.,

Юрьевскій университетъ.

(Нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанию „Отвѣта бывшаго ректора дерптскаго университета ректору юрьевскаго университета.“).

Статья профессора Г. А. фонъ Эттингена о юрьевскомъ университетѣ, напечатанная въ № 71 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подъ вышеуказаннымъ, нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ, по поводу моей „Исторической замѣтки о бюджетныхъ отношеніяхъ юрьевскаго университета“ (въ журн. М-ва Н. Прос. за сентябрь 1895 г.), доставляетъ мнѣ пріятный случай побесѣдовать не только съ авторомъ статьи, но и съ русскими читателями вообще о нѣкоторыхъ затронутыхъ въ ней моментахъ исторіи юрьевскаго университета за послѣднія десятилѣтія, конечно, не по служебнымъ къ нему отношеніямъ и не pro domo sua, а въ видахъ посильнаго разъясненія одного изъ животрепещущихъ вопросовъ русской публицистики, русской современности.

Переходя съ этою оговоркою къ возраженіямъ, формулированнымъ г. фонъ Эттингеномъ въ его „Отвѣтъ“, я не могу не выразить прежде всего сожалѣнія, что онъ такъ поверхностно ознакомился съ моей

„Исторической замѣткой“, даже въ тѣхъ ея частяхъ, которыя, повидимому, особенно его интересовали. При нѣсколько болѣе внимательномъ отношеніи къ „Замѣткѣ“ ему не пришлось бы, на примѣръ, „протестовать“ противъ моего „толкованія образа дѣйствій“ бывшихъ попечителей здѣшняго учебнаго округа гг. Брадке, гр. Кейзерлинга и Сабурова. О послѣднемъ въ моей „Замѣткѣ“ вовсе даже не упоминается. Что же касается гг. Брадке и Кейзерлинга, то въ „Замѣткѣ“ относительно ихъ выражено совершенно то же, что и въ „Отвѣтѣ“, а именно, что оба они заняли въ 1857—1865 гг. оппозиціонное отношеніе къ правительственному проекту распространенія на юрьевскій университетъ общаго устава и штата русскихъ университетовъ, руководясь при этомъ желаніемъ прикрѣпить его еще тѣснѣе къ университетамъ германскимъ, вмѣсто сближенія съ русскими. Не оспаривалъ я въ „Замѣткѣ“ и того, что совѣтъ юрьевскаго университета, отклонивъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. „воспользоваться выгодами штата пяти русскихъ университетовъ“ (Высочайше утвержденнаго 18 іюня 1863 г.), руководствовался при этомъ тѣми же нѣмецко-патріотическими цѣлями, которыя были такъ ясно формулированы гр. Кейзерлингомъ въ цитованныхъ мною предложеніяхъ совѣту отъ 3 августа и 4 октября 1863 года, а въ болѣе пространной формѣ выражены и въ разбираемомъ „Отвѣтѣ“. Спорнымъ

представляется лишь вопросъ, соотвѣтствуетъ ли подобная дѣятельность на одной изъ русскихъ окраинъ задачамъ русскаго управленія, служебному долгу русскаго попечителя? Не могу понять и того, на чемъ основано утвержденіе г. фонъ Эттингена, будто „главная задача“ юрьевскаго университета — „служить посредникомъ въ живомъ обмѣнѣ мыслей и знаній между Россіей и западной Европой“ и будто „историческое назначеніе“ этого университета непременно требовало сохраненія въ немъ „дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ“ и выписки заморскихъ профессоровъ, главнѣйше изъ „ученаго состава германскихъ университетовъ“?

Еслибы дѣйствительно такова была „главная задача“ этого университета, то это непременно нашло бы себѣ выраженіе въ одномъ изъ относящихся къ нему правительственныхъ актовъ. Между тѣмъ, мы этого нигдѣ не находимъ. Наоборотъ, въ учредительной грамотѣ, пожалованной юрьевскому университету Императоромъ Александромъ I 12 декабря 1802 года, сказано, что университетъ этотъ имѣетъ „преимущественной цѣлью распространеніе человѣческихъ познаній въ нашемъ государствѣ и купно образованіе юношества на службу отечества“. Потому-то въ первоначальныхъ предположеніяхъ объ этомъ университетѣ его „Державныхъ основателей“ Павла I и Александра I имѣлось въ виду замѣщать въ немъ кафедры не заграничными учеными, а исключитель-

но—русскими подданными. Хотя отъ этой нормы допущено было по нуждѣ отступленіе въ уставахъ 1803 и 1820 гг., тѣмъ не менѣе и впослѣдствіи не разъ съ высоты престола было выражаемо желаніе возможнаго ограниченія вызова сюда заграничныхъ профессоровъ. Такъ, напримѣръ, Императоръ Николай I 14 августа 1851 г. выразилъ увѣренность, что „Дерптскій университетъ можетъ обойтись безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, имѣя, конечно, въ числѣ своихъ воспитанниковъ достойныхъ кандидатовъ на ученныя кафедры“. Ссылку на эти именно слова Императора Николая I я нашелъ и въ одномъ представленіи богословскаго документа (отъ 9 мая 1856 г.), въ мотивировкѣ ходатайства о назначеніи А. А. фонъ Эттингена экстраординарнымъ профессоромъ на мѣсто Теодосія Гарнака. Что же касается употребленія въ юрьевскомъ университетѣ нѣмецкаго языка, то оно было основано не на какихъ-либо „правилахъ“ (въ уставахъ 1803, 1820, 1865 гг. ни слова объ этомъ не сказано), а на застарѣломъ обычаѣ, который издавна, но съ малымъ успѣхомъ, старались ограничить чуть ли не всѣ наши министры народнаго просвѣщенія, конечно, по волѣ и указаніямъ своихъ государей. Такъ уже въ 1804 г. (25 мая) было опредѣлено при выдачѣ дипломовъ, особенно юристамъ и врачамъ, обращать вниманіе на знаніе студентами русскаго языка; 8 мая 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій предпи-

салъ совѣту въ представленіяхъ ему правильнѣе писать по-русски или прилагать русскіе переводы; 8 ноября 1824 г. Высочайше повелѣно усилить въ университетѣ знанія въ русскомъ языкѣ; 31 мая 1827 г. на студентовъ богословскаго факультета возложено было сдавать испытаніе и по русскому языку; въ 1829 г. возведеніе въ ученныя степени (за изъятіемъ своекоштныхъ богослововъ) обусловлено сдачей испытанія въ русскомъ языкѣ; 16 декабря 1836 г. Высочайше повелѣно не выдавать дипломовъ студентамъ, не владѣющимъ достаточно русскимъ языкомъ, а съ 1841 г. безъ знанія послѣдняго не привимать въ студенты (потомъ этотъ указъ былъ отсроченъ до 16 декабря 1854 г.); въ 1842 г. предписано читать на русскомъ языкѣ лекціи по исторіи русскаго права; съ 1844 г.—тоже по нѣкоторымъ отдѣламъ государственнаго врачебновѣдѣнія; 31 октября 1869 г. Высочайше повелѣно примѣнить къ учебнымъ заведеніямъ юрьевскаго учебнаго округа указъ 1 іюня 1867 г. о дѣлопроизводствѣ на русскомъ языкѣ въ прибалтійскихъ коронныхъ учрежденіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденъ былъ указъ 16 декабря 1836 г. (оставшійся въ свое время не опубликованнымъ) о назначеніи въ начальники прибалтійскихъ учебныхъ заведеній только лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ. По поводу этого Высочайшаго повелѣнія въ совѣтѣ университета возникли въ 1869—1870 гг. горячія пренія относительно примѣни-

мости его къ университету и переписка съ попечителемъ Жерве, причемъ выяснилось (особенно послѣ повторительнаго Высочайше утвержденного разъясненія по сему предмету особой комиссіи отъ 13 мая 1870 г.), что совѣтъ расходится во взглядахъ на роль въ юрьевскомъ университетѣ нѣмецкаго языка не только съ ближайшимъ своимъ начальствомъ, но и съ многократными Высочайшими повелѣніями. Г. фонъ-Эттингенъ, повидимому, не замѣчаетъ этого разногласія или не придаетъ ему существеннаго значенія, оправдывая образъ дѣйствій совѣта въ 1870 г. соображеніями, „государственной пользы“. Но кто же компетентнѣе въ опредѣленіи ея: нѣмецкіе ли профессора юрьевскаго университета—бывшіе и настоящіе, или русскіе Государи, создавшіе этотъ университетъ, опредѣлившіе его задачи и цѣли и снабжающіе его средствами для ихъ осуществленія? Особенно неудобно отстаивать точку зрѣнія членовъ совѣта 1869—1870 гг. по указанному вопросу теперь, когда Высочайшая воля, выразившаяся въ указахъ 1 іюля 1867 г. и 31 октября 1869 г., получила окончательное опредѣленіе и выраженіе въ указѣ Императора Александра III отъ 14 сентября 1885 г. объ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ и перепискѣ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній, а также въ Указѣ 10 апрѣля 1887 г. о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго

учебнаго округа и въ цѣломъ рядѣ другихъ правительственныхъ распоряженій, опредѣлившихъ реформу балтійской окраины въ области суда, администраціи, финансовъ, а наконецъ и народнаго образованія — низшаго, средняго и высшаго. Послѣ всѣхъ этихъ событій, совершенныхъ волею Русскихъ Государей, какую цѣль могутъ имѣть подобныя газетныя статьи, направленные противъ самыхъ основаній этой реформы, со ссылкой на гг. Брадке, Кейзерлинга, Сабурова и на то представле- ніе о „государственной пользѣ“, какое имѣли или могли имѣть эти „высокочтимые государственные дѣятели“, купно съ нѣмецкими профессорами юрьевскаго университета?

Но ратуя за старый „дерптскій“ университетъ, за „самостоятельность его положенія“, „единство“ организаціи, достоинства его „внутренняго распорядка“ или „строя“, который могъ бы пострадать въ случаѣ примѣненія къ этому университету „общаго устава и штатовъ“ 1863 г., г. ф. Эттингенъ ссылается, сверхъ требованій „государственной пользы“, понимаемой столь своеобразно, еще на научные интересы университета, которые якобы не располагали въ пользу примѣненія къ нему въ 1863 г. не только устава, но и штатовъ прочихъ русскихъ университетовъ. Въ частности, онъ указываетъ на то, что, по уставу и штатамъ 1863 г., лишь двѣ трети кафедръ могли быть замѣщаемы ординарными профессорами, остальная же треть

—лишь экстраординарными, тогда какъ по юрьевскому уставу 1865 г. по всѣмъ каѳедрамъ положены профессоры ординарные. Но при этомъ онъ забываетъ, что число ординатуръ юрьевскихъ по уставу 1865 г. (39—40) вовсе не превышало таковаго же въ прочихъ университетахъ съ медицинскими факультетами по уставу 1863 г., хотя въ послѣднихъ по тому же уставу положено было еще по 18 профессуръ экстраординарныхъ, каковыхъ въ юрьевскомъ было не болѣе одной — двухъ. Наконецъ число доцентовъ въ первыхъ достигаетъ 31, въ послѣднемъ же всего 10. Вдобавокъ окладъ жалованья по уставу 1863 г. опредѣленъ по 3000 руб. для профессоровъ ординарныхъ, по 2000 рублей для экстраординарныхъ и по 1200 для доцентовъ, тогда какъ по уставу 1865 г. оно положено по 2400 руб. для первыхъ, по 1700 руб. для вторыхъ и по 900 руб. для третьихъ. Можно согласиться съ тѣмъ, что при такомъ обиліи въ здѣшнемъ университетѣ ординатуръ по сравненію съ экстраординатурами менѣе было въ немъ мѣста „для образованія (при выборахъ) личныхъ партій и интригъ“. Но спрашивается, окупаются ли этими — во всякомъ случаѣ второстепенными — преимуществами тѣ громадныя неудобства для преподаванія, которыя были обусловлены крайне недостаточнымъ числомъ каѳедръ по уставу 1865 г. (всего 35 на факультетахъ юридическомъ, медицинскомъ, историко-филологическомъ и физико-математическомъ), по

сравненію съ уставомъ 1863 г. (53 на тѣхъ же факультетахъ).

Можно, конечно, тутъ сослаться на фразу г. ф. Эттингена: „творческій умъ и любовь къ наукѣ могутъ дать важные результаты и при сравнительно скудныхъ средствахъ“, которую онъ противопоставляетъ моему мнѣнію о существованіи вообще прямого, а не обратнаго соотношенія между бюджетомъ университетовъ и постановкой въ нихъ научнаго и учебнаго дѣла. Но не такъ разсуждали объ этомъ тотъ же г. ф. Эттингенъ и его товарищи по университету раньше, когда они стояли ближе къ этому дѣлу, несли часть отвѣтственности за него и писали не для фронды, а въ дѣйствительныхъ интересахъ и науки, и университета. Имѣю въ виду докладъ совѣту, написанный г. ф. Эттингеномъ въ ноябрѣ 1873 г. и начинающійся словами: „Каждый университетъ, пока въ немъ проявляется живая научная дѣятельность и чувствуется потребность участвовать въ постоянномъ прогрессѣ науки, нуждается для исполненія этой задачи въ достаточныхъ преподавательскихъ силахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ матеріальныхъ научныхъ средствахъ..... Если объемъ этихъ средствъ не соотвѣтствуетъ болѣе требованіямъ времени, то изученію этихъ наукъ въ соотвѣтствующей степени наносится чувствительный ущербъ“.

Докладъ этотъ былъ далѣе разработанъ особою комиссіею, которая подъ предсѣдательствомъ г. ф. Эттингена выработала по

сему предмету мотивированный отзывъ, одобренный затѣмъ совѣтомъ (4 октября 1873 г.) и представленный въ министерство для исходатайствованія добавки къ штатному бюджету университета въ количествѣ 21,750 руб. Изъ отзыва этого я позволю себѣ привести нѣсколько наиболее характерныхъ выдержекъ: „Дерптскій университетъ въ сравненіи съ другими университетами Имперіи, имѣющими только четыре факультета, находится въ томъ отношеніи въ выгодномъ положеніи, что онъ безъ затрудненія можетъ замѣщать кафедры своихъ пяти факультетовъ способными преподавателями. Тѣмъ болѣе чувствителенъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ: штатъ дерптскаго университета на 50 слишкомъ процентовъ ниже штата прочихъ провинціальныхъ университетовъ, не говоря уже объ университетахъ обѣихъ столицъ.... Въ медицинскомъ факультетѣ уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обнаружилось, что при болѣе и болѣе усиливающейся дѣятельности директоровъ клиникъ и кабинетовъ по практическимъ занятіямъ и при усложненіи занятій самая безотлагательная потребность состоитъ въ усиленіи личнаго состава опредѣленіемъ должностей ассистентовъ и въ увеличеніи скудныхъ средствъ по клиническимъ учрежденіямъ...

...Въ особенности кафедра патологической анатоміи нуждается въ опредѣленіи ассистента. Профессоръ оной имѣетъ обязанностью вмѣстѣ съ тѣмъ и читать об-

щую патологию, для которой въ прочихъ университетахъ существуетъ особая кафедра... Тотъ же самый недостатокъ чувствуется и по кафедрѣ фармакологіи.... такъ какъ подлежащій профессоръ считается также представителемъ медицинской химіи, для которой изо всѣхъ университетовъ Имперіи въ одномъ только дерптскомъ университетѣ не имѣется особой кафедры...”

„Весьма желательно, чтобы наравнѣ съ прочими университетами Имперіи была положена по штату умѣренная сумма на практическія занятія студентовъ медицины по химіи въ химической лабораторіи физико-математическаго факультета и въ фармацевтическомъ институтѣ, такъ какъ эти занятія въ настоящее время осуществляются только при посредствѣ платы участвующихъ въ нихъ за употребленныя реакціи и тому подобныя предметы и посему для недостаточныхъ студентовъ практическія упражненія и занятія или становятся вовсе невозможными или сопряжены съ затрудненіями.

...Наконецъ, нужно указать на то, что физическая географія и метеорологія, для которыхъ во всѣхъ прочихъ университетахъ Имперіи состоитъ особая штатная кафедра и положена штатная сумма въ 600 руб., не можетъ быть долѣе отнесена къ кафедрѣ физики и расходы за метеорологическіе снаряды и пособія не могутъ падать на скудные средства физическаго кабинета“ ...

„Самую настоятельную потребностью историко-филологическаго факультета оказывается учрежденіе третьей филологической каѳедры, а именно для древней классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей... Едва ли найдется университетъ, въ которомъ существуетъ не болѣе двухъ филологическихъ каѳедръ. Къ тому же въ силу устава прочихъ университетовъ Имперіи, кромѣ каѳедръ для греческой и римской словесности и греческихъ и римскихъ древностей существуетъ еще особая каѳедра для теоріи и исторіи искусства“.

...„Въ дерптскомъ университетѣ для всеобщей исторіи состоитъ только одна каѳедра, къ которой отнесены также историческія вспомогательныя науки...

...Должно признать, что отдѣльный ученый въ этомъ объемѣ не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ“...

Предложивъ совѣту, на основаніи факультетскихъ представленій, ходатайствовать:

объ увеличеніи штатной суммы на освѣщеніе, отопленіе и ремонтъ университетскихъ зданій (9000-ю рублями), объ учрежденіи цѣлаго ряда (6) ассистентскихъ должностей, увеличеніи средствъ нѣкоторыхъ учебновспомогательныхъ учрежденій, особенно на практическія занятія студентовъ, и объ учрежденіи каѳедръ: а) физической географіи и метеорологіи, б) древнеклассической филологіи и древностей и всеобщей исторіи (вторая ординатура), комиссія въ

своємъ докладѣ совѣту оговорилаь, что въ этотъ докладъ „не вошло ходатайство о расширеніи средствъ для пополненія преподавательскихъ силъ дерптскаго университета въ видахъ достиженія того объема, который существующими штатами опредѣленъ для другихъ университетовъ Имперіи, такъ какъ она не считаетъ цѣлесообразнымъ представить на разсмотрѣніе такія желанія болѣе широкаго размѣра, не получивъ къ тому повода со стороны высшаго начальства“.

Не представляетъ-ли этотъ докладъ комиссіи и состоявшееся на основаніи онаго ходатайство совѣта объ отпускѣ, въ дополненіе къ штату, 21,750 руб., обвинительнаго приговора противъ университетскихъ дѣятелей 1863 г., которые отклонили предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. воспользоваться выгодами штата пяти русскихъ университетовъ (отъ 18 іюня того же года)? То же доказываетъ и возбужденное 7 марта 1875 г. совѣтомъ, по почину профессора А. Шмидта, ходатайство объ усиленіи штата ежегодною прибавкою въ 44,850 р. для уравненія окладовъ жалованья преподавателей и чиновниковъ юрьевскаго университета съ таковыми въ прочихъ русскихъ университетахъ. Въ препроводительной запискѣ по сему предмету сдѣлано, между прочимъ, упоминаніе о прежнемъ отказѣ совѣта отъ вышеупомянутаго предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. и къ этому прибавле-

но: „руководившія въ то время совѣтомъ соображенія оказываются нынѣ не соответствующими обстоятельствамъ“... Представленіе это не имѣло, впрочемъ, успѣха, кажется, по затрудненіямъ государственнаго казначейства. Министерство находило, что „въ настоящее время ходатайство о столь значительномъ увеличеніи штатныхъ суммъ университета не могло бы имѣть успѣха.“ Но нѣкоторыя отдѣльныя ходатайства совѣта объ учрежденіи недостающихъ кафедръ были удовлетворяемы, напримѣръ, въ 1876 г. была учреждена кафедра эмбриологіи и гистологіи, въ 1879 г.— кафедра нервныхъ и душевныхъ болѣзней, съ клиникою при оной (съ 1884 г.), въ 1881 г.— кафедра сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій и вторая профессура всеобщей исторіи (последняя на спеціальныя средства). Въ 1891 г. было еще разъ возбуждено ходатайство объ уравненіи окладовъ содержанія преподавателей юрьевскаго университета съ окладами прочихъ русскихъ университетовъ, для чего была испрашиваема сумма въ 49,500 руб. Но это осталось безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, прошло цѣлое поколѣніе подъ дѣйствіемъ въ университетѣ устава и штата 1865 года, признаннаго негоднымъ всѣми компетентными инстанціями чуть не съ первыхъ дней его появленія.

Въ защиту его что-то не слышно было голосовъ, такъ что г. фонъ Эттингенъ является чуть ли не первымъ адвокатомъ этого жалкаго продукта нѣмецко-универси-

тетской политики 60-х годовъ. Но если это такъ, если этотъ уставъ и штатъ лишилъ „дерптскій“ университетъ цѣлаго ряда необходимыхъ кафедръ, институтовъ, средствъ для научной работы, и преподавателей, и ассистентовъ и студентовъ, словомъ—какъ это официально заявилъ совѣту профессоръ А. Шмидтъ въ своей докладной запискѣ отъ 25 ноября 1874 г.,—низвелъ „дерптскій“ университетъ въ положеніе какого-то „второкласснаго“ университета, то не имѣлъ ли я право сказать, что именно онъ обусловилъ „нѣкоторое ослабленіе научнаго значенія юрьевскаго университета въ средѣ прочихъ, и русскихъ, и нѣмецкихъ университетовъ“, выразившееся во многихъ, отчасти указанных мною явленіяхъ?

Изъ явленій этихъ г. фонъ Эттингенъ останавливается лишь на одномъ, именно на замѣчаемомъ съ того времени выселеніи въ Германію цѣлаго ряда крупныхъ научныхъ силъ, причемъ онъ пытается ослабить значеніе этого факта, считая его естественнымъ „обмѣномъ научныхъ силъ“ и „однимъ изъ доказательствъ цвѣтущаго состоянія дерптскаго университета“ этой эпохи. Я, съ своей стороны, не могу не предпочесть другого объясненія, а именно того, которое было формулировано въ докладѣ особой совѣтской комиссіи отъ 17 февраля 1875 г., подписанномъ и г. фонъ Эттингеномъ, какъ предсѣдателемъ оной, гдѣ сказано между прочимъ:

„Дерптскій университетъ уже не разъ

въ послѣднее время имѣлъ случай испыты-
 вать вліяніе такой разности матеріаль-
 ныхъ условій не только въ отказѣ на дѣ-
 лаемыя приглашенія, но и въ томъ обсто-
 ятельствѣ, что пріѣхавшіе сюда преподава-
 тели охотно вновь возвращаются за гра-
 ницу, гдѣ видятъ себя поставленными луч-
 ше. Даже и воспитанники здѣшняго уни-
 верситета уже въ значительномъ числѣ
 предпочли, все изъ-за тѣхъ же причинъ,
 положеніе въ заграничныхъ университе-
 тахъ дѣятельности въ родномъ“. Съ мнѣ-
 ніемъ этимъ согласился тогда и совѣтъ,
 такъ что въ настоящее время врядъ-ли ко-
 му удастся поколебать такое именно объ-
 ясненіе того exodus, о которомъ упомянуто
 было и въ моей „Исторической замѣткѣ“.

Не имѣя этого въ виду, трудно бы объ-
 яснить и крайнюю кратковременность службы
 въ здѣшнемъ университетѣ этого періода
 многихъ заграничныхъ ученыхъ, которая
 нерѣдко не достигала и одного пятилѣтія.
 (Такъ, на примѣръ, по одному году служили
 здѣсь профессоры: O. Schulzen 1871—72,
 W. Weiss 1878—79, C. Bücher 1882—83,
 A. Weil 1886—87, Fr. Schulze 1887—88;
 по 2 года: B. Naunum 1869—71, C. Hehn
 1873—75, Fr. Rühl 1874—76, W. Lexis
 1874—76, G. Meyer 1882—84, O. Staude
 1886—88, H. Schott 1885—87; по 3 года:
 Ad. Wagner 1865—68, O. Schmiedeberg
 1869—72, A. Lindstedt 1883—86, M. Braun
 1883—86, Unverricht 1889—92; по 4 года:
 E. Lespeyres 1869—73, H. Ulman 1870—74,
 W. Stieda 1877—81). Не совсѣмъ потому

правильно включены эти перелетные птицы здѣшняго университета въ составленный г. ф. Эттингеномъ списокъ профессоровъ (числомъ 77), долженствующій документировать „научно-литературную производительность дерптскаго университета“ въ періодъ времени отъ 1860 по 1890 г. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что 30 лѣтъ въ жизни университета составляютъ уже періодъ, который не можетъ не отразиться въ лѣтописяхъ науки сохраненіемъ нѣсколькихъ дюжинъ литературныхъ именъ, ибо нѣтъ профессора, который бы чегонибудь не написалъ, не напечаталъ, не приобрѣлъ нѣкоторой извѣстности, особенно въ мѣстной средѣ, у ближайшихъ соплеменниковъ и друзей. То же слѣдуетъ сказать и о воспитанникахъ любого университета, если взять 30-лѣтній періодъ его жизни. Не можетъ же въ числѣ 4—5,000 этихъ воспитанниковъ не оказаться со временемъ нѣкотораго числа ученыхъ, профессоровъ, путешественниковъ!

Что же касается ссылки на особое обиліе штатскихъ генераловъ, вышедшихъ изъ числа бывшихъ воспитанниковъ „дерптскаго“ университета за 90 лѣтъ его существованія, то я полагаю, что училище правовѣдѣнія, Александровскій лицей, пажескій корпусъ быть можетъ и превзойдутъ въ этомъ отношеніи „дерптскій“ университетъ, если имъ удастся произвести такой же подсчетъ своихъ сановитыхъ питомцевъ, какой сдѣланъ по отношенію къ „дерптскому“ университету г. Гассельблатомъ въ

цитруемыхъ г. ф. Эттингеномъ изданіяхъ.

Кому, впрочемъ, не извѣстно, что въ Россіи со времянь Петра Великаго имѣются и особыя причины несоразмѣрно большаго числа нѣмецкихъ „генераловъ“, вслѣдствіе чего и до открытія „дерптскаго“ университета они наполняли ряды русской арміи и русской бюрократіи, особенно во времена Бироновщины! Аналогичнымъ образомъ слѣдуетъ объяснить и фактъ полуторавѣковаго господства нѣмцевъ въ нашей академіи наукъ, которое началось задолго до учрежденія здѣшняго университета, а завершилось лишь въ самое недавнее время, притомъ совершенно независимо отъ научной роли послѣдняго. Вообще слѣдуетъ сказать (какъ это упомянуто и въ моей замѣткѣ), что „дерптскій“ университетъ стоялъ впереди прочихъ русскихъ лишь въ 20—30-хъ годахъ, когда при немъ существовалъ извѣстный профессорскій институтъ. Въ 40-хъ годахъ московскій университетъ уже обогналъ юрьевскій; съ 50-хъ это еще безспорнѣе по отношенію къ университету петербургскому; со времени же изданія уставовъ 1863 года „дерптскій“ университетъ, обдѣленный своимъ штатомъ 1865 года на 130—140 тысячъ руб. въ годъ по сравненію даже съ провинціальными нашими университетами, конечно, не могъ не отстать и отъ послѣднихъ въ полнотѣ преподаванія, обстановкѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и вообще въ постановкѣ учебнаго дѣла, хотя я не думаю отрицать, что

и въ этотъ періодъ времени на его кафедрахъ было и есть не мало ученыхъ достойныхъ, даже выдающихся, какъ это отмѣчено и въ моей „Исторической замѣткѣ“ (стр. 22).

Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ нѣкотораго разстройства въ университетѣ учебнаго дѣла въ послѣднія десятилѣтія является отвѣтъ медицинскаго факультета отъ 21 декабря 1891 г. на запросъ министерства относительно примѣненія къ нему положенія объ испытаніяхъ въ государственной медицинской комиссіи. Въ отвѣтѣ этомъ факультетъ, сославшись на то, что юрьевскіе медицинскіе институты не обставлены столь удовлетворительно, какъ въ прочихъ университетахъ Имперіи; что юрьевскія клиники не имѣютъ достаточнаго числа больныхъ, другія вовсе отсутствуютъ (напр., по дѣтскимъ болѣзнямъ, накожнымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ); что патолого-анатомическій и судебно-медицинскій институты страдаютъ отъ недостатка труповъ; что преподаваніе гигиены поставлено въ дерптскомъ университетѣ очень неудовлетворительно, — ходатайствовалъ, чтобы впредь до устраненія этихъ недостатковъ въ постановкѣ кабинетовъ и клиникъ на медицинскихъ испытаніяхъ въ дерптскомъ университетѣ имѣли перевѣсъ теоретическія познанія. А между тѣмъ слава „дерптскаго“ университета въ Россіи основывалась главнымъ образомъ именно на медицинскомъ факультетѣ, который, какъ указываетъ г. ф. Эттингенъ, произвелъ 2,259 врачей, изъ

коихъ значительная часть сразу получили ученую степень доктора, минуя званіе врача. Г. ф. Эттингенъ считаетъ это совершенно нормальнымъ, но голосъ всей медицинской Россіи давно и единодушно призналъ „дерптскую“ фабрикацію докторовъ медицины недавняго прошлаго величайшей аномаліей, особенно за послѣднія десятилѣтія, при столь неудовлетворительной постановкѣ медицинскаго преподаванія по многимъ основнымъ кафедамъ, по собственному признанію этого факультета!

Имѣются и по другимъ факультетамъ аналогичныя заявленія о затрудненіяхъ при введеніи общеимперскаго плана занятій и программы испытаній, — затрудненіяхъ, обусловленныхъ главнымъ образомъ недочетомъ многихъ кафедръ и, слѣдовательно, неполнотою преподаванія. Такъ, на юридическомъ факультетѣ при самомъ началѣ реформы въ 1889 г. оказалось необходимымъ почти удвоить число кафедръ, именно учредить таковыя по полицейскому праву, международному праву, энциклопедіи и философіи права, по церковному, финансовому и торговому правамъ, причемъ еще нѣкоторыя старыя кафедры получили другое назначеніе, именно вторая кафедра остзейскаго права переименована въ кафедру гражданскаго права, а прежняя кафедра русскаго права (куда входили прежде всѣ его отдѣлы) — въ кафедру исторіи русскаго права. На физико-математическомъ факультетѣ пришлось добавить, при введеніи новыхъ плановъ и программъ, вторую про-

фессуру чистой математики и вторую профессуру по кафедрѣ минералогіи (для преподаванія геологіи и палеонтологіи). Подобнымъ образомъ на медицинскомъ факультетѣ были добавлены особыя профессуры: во 1-хъ для гігіены и во 2-хъ для оперативной и теоретической хирургіи. Сверхъ того при институтахъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ въ теченіе 1893—96 гг. учреждено 14 новыхъ ассистентскихъ должностей, на содержаніе по коимъ расходуется нынѣ 6,272 р. въ годъ изъ остатка штатныхъ или изъ специальныхъ средствъ университета. Однако и теперь, за всѣми этими добавками, произведенными отчасти на дополнительный кредитъ въ 31,470 руб., отпускаемый на личный составъ съ 1 января 1895 г., отчасти же на спеціальныя средства университета, на каждомъ шагу обнаруживаются недочеты въ составѣ кафедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, для устраненія которыхъ именно теперь образована совѣтомъ особая комиссія, въ виду крайнихъ затрудненій въ выполненіи при наличныхъ средствахъ тѣхъ учебныхъ плановъ, которые установлены для прочихъ русскихъ университетовъ, по уставу 1884 года, но примѣнены въ послѣдніе годы и къ юрьевскому.

Независимо отъ указанныхъ недочетовъ въ составѣ кафедръ и институтовъ я могъ бы привести много и другихъ документальныхъ доказательствъ въкотолаго разстройства въ здѣшнемъ университетѣ учебнаго

дѣла за послѣднія десятилѣтія передъ реформой. Я могъ бы, напр, доказать официальными документами, что многіе русскіе профессора, назначенные по выходѣ въ отставку вѣмецкихъ съ 1892 г., особенно по факультетамъ физико-математическому и медицинскому, приняли соотвѣтственные институты въ самомъ плачевномъ состояніи, такъ что по вступленіи въ должность имъ пришлось употребить массу времени, трудовъ, усилій, а правленію—ремонтныхъ и иныхъ средствъ для постепеннаго подъема этихъ институтовъ изъ прежняго заустѣнія и развалинъ. Въ частности это могло бы быть доказано относительно: астрономической обсерваторіи, ботаническаго сада, институтовъ фізіологическаго, фармацевтическаго, судебно-медицинскаго, гигиеническаго и нѣкоторыхъ клиникъ. Но для краткости я ограничусь здѣсь двумя-тремя выносками, откладывая до другого случая изданіе этого рода документовъ.

...„Юрьевская астрономическая обсерваторія, читаемъ мы въ отзывѣ перваго русскаго директора оной отъ 15 мая 1895 г., находится вынѣ въ такомъ состояніи, при которомъ не только не возможна научная дѣятельность, сколько-нибудь напоминающая дѣятельность В. Струве, но даже для преподаванія практической астрономіи нѣтъ тѣхъ пособій, какія имѣются теперь на всякой другой русской университетской обсерваторіи... Уже въ теченіе болѣе полугода я посвящаю почти все свое время

на приведеніе въ порядокъ и изученіе инструментовъ астрономической обсерваторіи, при чемъ оказалось, что печальное состояніе ихъ превзошло мои опасенія... Большой рефракторъ: объективъ этого нѣкогда наибольшаго и наилучшаго изъ рефракторовъ былъ разобранъ механикомъ Гербстомъ и мною въ присутствіи извѣстнаго астронома В. К. Дэллена. При этомъ оказалось, что обѣ линзы объектива покрыты большими и несмываемыми пятнами, происшедшими, по объясненію Дэллена, отъ небрежнаго обращенія съ инструментомъ за послѣдніе 50 лѣтъ. Всѣ остальные части рефрактора и его штативы такъ устарѣли, что требуютъ полной передѣлки. Меридіанный кругъ оказался также во всѣхъ отношеніяхъ крайне устарѣвшимъ. Кромѣ того дѣлевія круга въ 14 мѣстахъ оказались совершенно испорченными отъ неосторожнаго обращенія. Переносный пасатный инструментъ Гербста въ существенной своей части—окулярномъ микрометрѣ—оказался настолько испорченнымъ, что г. Гербстъ считаетъ полную замѣну этой части новою—вполнѣ необходимою. Гелиометръ оказался крайне запущеннымъ и кромѣ того устроенная для него башня совершенно негодною... Мелкіе инструменты, пріобрѣтенные В. Струве, всѣ настолько устарѣли, что почти вовсе не могутъ быть употребляемы.

„Библіотека обсерваторіи за послѣдніе 30—40 лѣтъ наполнялась весьма неудовлетворительно. За вычетомъ изданій, при-

сланныхъ въ даръ для библіотеки обсерваторіи, послѣдняя до конца прошлаго года почти вовсе не имѣла важнѣйшихъ сочиненій по астрономіи, вышедшихъ на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ съ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія“....

О состояніи ботаническаго сада при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ отзыва послѣдняго отъ 29 апрѣля 1896 г. по дѣлу о ремонтахъ этого сада, требующихъ, по смѣтѣ архитектора, единовременной затраты въ 14,895 руб.:

...„Всѣ означенные ремонты безусловно необходимы, ибо всѣ зданія находятся въ самомъ плачевномъ состояніи... Въ пальмовой оранжереѣ часть крыши совершенно гнилая и угрожаетъ дальнѣйшему существованію всей богатой коллекціи пальмъ и другихъ тропическихъ растеній. Въ сараѣ нельзя ничего хранить, ибо крыша и стѣны не защищаютъ содержимое и хранимое отъ атмосферныхъ осадковъ... Ремонтъ покосившейся конюшни нельзя откладывать, такъ какъ этотъ ремонтъ можетъ вызвать законныя требованія со стороны полиціи. Ремонтъ оранжереи Багге нельзя откладывать, такъ какъ откладываніе ведетъ къ дальнѣйшему разрушенію оранжереи и порчѣ всей коллекціи цѣнныхъ растеній. Сводъ погреба угрожаетъ обрушиться... Ботаническій кабинетъ представляетъ помѣщеніе совершенно не удовлетво-

ряющее самымъ скромнымъ требованіямъ современной науки и университетскому ея преподаванію. Представляя одну — единственную комнату, передѣланную изъ оранжереи, съ отопленіемъ, расположеннымъ подъ поломъ, съ одной стѣной, совершенно сырой, съ которой по временамъ вода льетъ ручьями, онъ вмѣщаетъ въ себѣ не болѣе 16 практикантовъ заразъ, при полномъ отсутствіи помѣщенія для спеціальныхъ научныхъ работъ профессора, ассистентовъ его и специалистовъ... Вести опыты по физиологіи растений или исторіи развитія и думать нельзя, такъ какъ топка кабинета приспособлена для оранжереи, а отнюдь не для отопленія ученаго института, предназначеннаго для изученія физиологіи, анатоміи, морфологіи и исторіи развитія высшихъ и низшихъ растений... Въ довершеніе всего въ кабинетѣ не имѣется ровно никакого освѣщенія... Вести успѣшно преподаваніе ботаники при такомъ положеніи дѣла является совершенно невысказаннымъ; преподаваніе это можетъ стоять лишь на уровнѣ требованій программы средняго, а не высшаго учебнаго заведенія, не университета...“

О положеніи физиологическаго института при переходѣ его въ завѣдываніе нынѣшняго русскаго директора можно судить по слѣдующимъ выпискамъ изъ отзыва послѣдняго отъ 30 ноября 1896 г.: „Ознакомившись ближе съ инвентаремъ физиологическаго института, я нашелъ совершенно недостаточными для цѣлей рациональнаго пре-

подаванія и для веденія научныхъ работъ тѣ инструменты и аппараты, какіе имѣются въ немъ въ настоящее время, а равно и принадлежащую институту бібліотеку... Въ программахъ испытанія на степень лѣкаря, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія для юрьевскаго университета въ 1893 г., говорится, что, кромѣ отвѣта на данные вопросы, отъ испытываемаго требуется разъясненіе устройства и употребленія предъявленныхъ ему наиболее употребительныхъ приборовъ. Изъ всѣхъ здѣсь перечисленныхъ „наиболѣе употребительныхъ“ приборовъ я нашелъ только четыре, остальные же... отсутствовали: такъ, нѣтъ ни одного счетчика кровяныхъ тѣлецъ, ни пружиннаго кимографа Фика, ни кардіографа, ни сфигмографа Меррея, никакихъ индукціонныхъ аппаратовъ, ни одной батареи для постояннаго тока, ни одного реостата, никакого эстезіографа. Очевидно, что до настоящаго времени программа министерства фактически не могла быть исполнена. Отсутствіе всѣхъ почти электрическихъ приборовъ указываетъ на то, что весь необыкновенно важный отдѣлъ мышечной и нервной фізіологіи до сихъ поръ излагался совершенно безъ демонстрацій... Такъ какъ перечисленные въ программѣ приборы суть „наиболѣе употребительные“ и абсолютно необходимые, то по отсутствію даже этихъ приборовъ можно судить объ остальномъ. И дѣйстви-тельно, инструментарій представляетъ жалкое собраніе устарѣлыхъ приборовъ, толь-

ко загромождающихъ собою и безъ того весьма тѣсное помѣщеніе института. Но этого мало: трудно повѣрить, чтобы въ университетской физиологической лабораторіи не оказалось мѣха для искусственнаго дыханія, ни одной трахеальной канюли для трахеотоміи, всего два зажимныхъ пинцета для артерій. Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ невозможно было произвести ни одной вивисекціи...“

„Изъ нѣсколькихъ микроскоповъ ни при одномъ не имѣется даже иммерзіонной системы, поляризаціоннаго приспособленія къ микроскопу; не имѣется ни одного микро-тома.“

„Что касается книгъ и журналовъ, то здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на полное отсутствіе русской литературы; совершенно игнорирована также литература французская и англійская.“

Даже фармацевтическій институтъ, считавшійся съ 40-хъ годовъ чуть ли не первымъ въ Россіи и выпустившій цѣлыя сотни диссертаций на магистра фармаціи, оказался далеко не въ блестящемъ состояніи при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ доклада послѣдняго (мартъ 1894 г.).

„Состояніе принятаго мною фармацевтическаго института противъ моихъ ожиданій совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ научнымъ требованіямъ, которыя предъявляются мало-мальски устроеннымъ лабораторіямъ“.

„Во-первыхъ, лабораторія этого учрежденія до сего времени не имѣетъ водопровода и снабжается вонючей и загрязненной водой изъ резервуара, помѣщающагося въ аудиторіи. При такомъ устройствѣ водоснабженія немислимо производить какія-либо работы, требующія для своего веденія большого водяного давленія или разрѣженнаго пространства“.

„Второй важный недостатокъ, найденный мною въ фармацевтическомъ институтѣ, состоитъ въ томъ, что въ немъ совершенно нѣтъ порядочныхъ тягъ, способныхъ поддерживать необходимый обмѣнъ воздуха при занятіяхъ химико-фармацевтическихъ, а въ аудиторіи института совершенно нѣтъ ни одной. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства становится немислимымъ производить—поэтому, вѣроятно, прежде совершенно и не производились—какіе либо опыты съ вредоносными веществами. А такъ какъ по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ веществъ, съ которыми приходится имѣть дѣло при правильномъ преподаваніи фармацевтической химіи, обладаетъ такими свойствами, то волей-неволей при настоящемъ устройствѣ аудиторіи приходится отказаться отъ опытовъ съ ними“...

„Если прибавить къ вышеизложенному, что въ институтѣ, къ моему удивленію, не оказалось самыхъ необходимыхъ книгъ, напр. фармакопей, атласовъ и рисунковъ для преподаванія фармакогнозіи, порядочнаго паяльнаго стола, сколько нибудь удовлетворительной стеклянной посуды, чистыхъ

химическихъ и фармацевтическихъ препаратовъ, порядочныхъ термометровъ, водяныхъ и воздушныхъ бань и массы другихъ самыхъ необходимыхъ лабораторныхъ принадлежностей, то вотъ та обстановка, при которой функционировала по настоящее время лабораторія фармацевческаго института и при которой происходило въ институтѣ преподаваніе фармаціи“...

„Для дополненія вышесказаннаго не могу не указать, что коллекція препаратовъ, принятыхъ мною и хранящихся у меня по настоящее время, оказалась никуда негодной. Безъ всякаго преувеличенія могу указать, напр., что вся почти принятая мною коллекція эфирныхъ массъ давно утратила свои свойства отъ нераціональнаго храненія ихъ, а часть отъ давности, и по этимъ коллекціямъ никакого уже правильнаго представленія ни о физическихъ, ни о химическихъ свойствахъ этого класса веществъ получить нельзя, а тѣмъ менѣе можно производить съ ними какія-либо химическія реакціи. Этотъ классъ веществъ, отличающійся крайней измѣнчивостью при обыкновенныхъ атмосферныхъ условіяхъ, долженъ былъ или постоянно возобновляться и счищаться, или же сохраняться ввѣ доступа воздуха. А такъ какъ ни того, ни другого не дѣлалось цѣлыя десятилѣтія, то принятая мною коллекція эфирныхъ маселъ никуда не годятся, такъ какъ давно уже превратились въ дальнѣйшіе продукты превращенія эфирныхъ маселъ въ смолы“...

Въ выдержкахъ этихъ заключается, по-

лагаю, критерій и для оцѣнки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ „выдающихся авторовъ“, бывшихъ преподавателей этого университета отъ 1860 по 1890 гг., которые перечислены г. ф. Эттингеномъ.

Теперь я останавлиюсь нѣсколько на тѣхъ — относительно немногихъ, но очень рѣшительныхъ — строкахъ, какія г. ф. Эттингенъ посвящаетъ собственно „юрьевскому“ университету, въ условномъ отличіи его отъ прежняго, „дерптскаго“. При этомъ я считаю необходимымъ прежде всего напомнить, что преобразование юрьевскаго, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ университетовъ, всегда совершалось по волѣ русскихъ Государей и указаніямъ высшаго правительства, а не по усмотрѣнію университетскихъ ректоровъ, вслѣдствіе чего на послѣднихъ не можетъ падать ни слава, ни отвѣтственность за ходъ и исходъ подобныхъ преобразованій. Напрасно потому г. ф. Эттингенъ употребляетъ такія выраженія, какъ: „общее измѣненіе строя студенческой жизни, къ которому стремится г. ректоръ юрьевскаго университета и котораго онъ частью достигъ, касается какъ характера учебныхъ занятій, такъ и воспитательнаго вліянія университета“, изъ которыхъ можно, пожалуй, вывести, будто „общее измѣненіе строя“ здѣшней университетской жизни совершается здѣсь по желанію ректора, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что реформа юрьевскаго университета является органическимъ звеномъ въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій Императора Але-

ксандра III, вызванныхъ сенаторскою ревизіей 1883 г. и направленныхъ къ духовному сближенію этой окраины съ средними областями Имперіи.

Во 2-хъ, необходимо отмѣтить, что реформа эта, начатая въ 1889 г. по отношенію къ юридическому факультету, а съ начала 90-хъ годовъ — по отношенію къ прочимъ факультетамъ, далеко еще не закончилась, почему университетъ этотъ, донинѣ управляющійся не общимъ уставомъ русскихъ университетовъ 1884 г., а нѣсколько видоизмѣненнымъ „дерптскимъ“ уставомъ 1865 г., — долженъ бы собственно называться, въ духѣ терминологіи г. ф. Эттингена, не юрьевскимъ, а дерптско-юрьевскимъ, впредь до замѣны его стараго устава новымъ.

Во 3-хъ, въ жизни такихъ многолѣтнихъ организмовъ, какъ университеты, вѣкъ которыхъ измѣряется не годами, даже не десятилѣтіями, а столѣтіями, опытъ какихънибудь 6—7 л. составляетъ слишкомъ короткій періодъ времени, чтобы по немъ можно было дѣлать вѣрныя или хотя бы только вѣроятныя заключенія о будущемъ, какъ это позволяетъ себѣ г. ф. Эттингенъ по отношенію къ университету „юрьевскому“, который между тѣмъ не вышелъ еще изъ мукъ рожденія.

Послѣ этихъ оговорокъ попытаюсь взвѣсить тѣ данныя и соображенія, на которыхъ г. фонъ Эттингенъ основываетъ свой — по меньшей мѣрѣ поспѣшный — выводъ „о неприглядномъ настоящемъ и мрачномъ

будущемъ юрьевскаго университета“. „Неприглядность“ эта выражается, по его мнѣнію, главнымъ образомъ: въ неудовлетворительномъ подборѣ новоназначенныхъ профессоровъ; въ постепенной убыли числа студентовъ; въ пониженіи уровня ихъ научныхъ занятій и испытаній и, наконецъ, въ ослабленіи студенческихъ корпорацій. Не трудно доказать, что всѣ эти послышки, на которыхъ построенъ выводъ, основаны или на явныхъ ошибкахъ, или на крупныхъ недоразумѣніяхъ и пристрастіи. Г. фонъ Эттингенъ утверждаетъ, на примѣръ, что „новое управленіе университета при замѣщеніи кафедръ и доцентуръ (какъ будто оно производится нынѣ „управленіемъ университета“, а не округа и министерства!) руководствовалось какими-то другими правилами, чѣмъ тѣ, какія опредѣлены закономъ относительно назначенія профессоровъ ординарныхъ изъ докторовъ соотвѣтственной науки, а экстраординарныхъ и доцентовъ изъ магистровъ:

„Въ четырехъ факультетахъ, говоритъ онъ, за исключеніемъ (почему?) медицинскаго, изъ 35 новоназначенныхъ профессоровъ было 19, имѣющихъ лишь степень кандидата, 10 магистровъ и только 6 докторовъ“. Между тѣмъ, при поименной проверкѣ этого утвержденія можно убѣдиться, что изъ назначенныхъ правительствомъ со времени изданія указа 20 ноября 1889 г., безъ участія совѣта, профессоровъ состояли въ день назначенія на кафедры:

докторами соотвѣт. наукъ 9 л.¹⁾, а не 6;
 магистрами „ „ 20 л.²⁾, а не 10;
 магистрантами „ „ 11 л.³⁾, а не 19.

Изъ состоящихъ же нынѣ въ юрьевскомъ университетѣ профессоровъ (со включеніемъ медицинскаго факультета), назначенныхъ помимо совѣта, числится: 19 докторовъ⁴⁾, 19 магистровъ⁵⁾ и 5 магистрантовъ⁶⁾, кандидата же между ними нѣтъ ни одного.

Изъ этого одного видно, какъ не вѣрны тѣ цифровыя данныя или приемы, которыми пользовался г. фонъ Эттингенъ при составленіи своего „Отвѣта“.

1) Профессоры: Гауслейтеръ, Квачала, Зебергъ, Дятинъ, Будиловичъ, Пѣтуховъ, Крашенинниковъ, Срезневскій, Тамманъ.

2) Профессоры: Карышевъ, Филипповъ, Пусторослевъ, Гуляевъ (всѣ четверо стали вскорѣ затѣмъ докторами правъ); Царевскій, Дьяконовъ, Пассекъ, Красноженъ, Миклашевскій, Шмурло, Озе, Ясинскій, Никитскій, Левинсонъ-Лессингъ, Левицкій, Садовскій, Кузнецовъ, Алексѣевъ, Берви, Андрусовъ.

3) Керстенъ, Деркжинскій, Мальмбергъ, Лахтинъ, кн. Голицынъ, Кассо, Зачинскій, Невзоровъ, Нечаевъ, Кривцовъ, Богушевскій.

4) Квачала, Зебергъ; Филипповъ, Пусторослевъ; Будиловичъ, Пѣтуховъ, Крашенинниковъ; Срезневскій, Тамманъ; Игнатовскій, Чиждъ, Васильевъ, Губаревъ, Афанасьевъ, Курчинскій, Дружининъ, Чермакъ, Хлопинъ, Чирвинскій.

5) Царевскій, Керстенъ; Дьяконовъ, Пассекъ, Красноженъ, Миклашевскій; Шмурло, Мальмбергъ, Озе, Ясинскій, Никитскій; Левинсонъ-Лессингъ, Левицкій, Садовскій, Кузнецовъ, Алексѣевъ, Берви, Андрусовъ; Ковдаковъ.

6) Зачинскій, Нечаевъ, Невзоровъ, Кривцовъ, Богушевскій.

Кромѣ того, я позволю напомнить ему, что и въ прежнее время, когда выборъ преподавателей зависѣлъ отъ совѣта, оказывались иной разъ недочеты по части ученыхъ степеней, какъ это видно, напр., въ дѣлахъ совѣта о профессорахъ И. Энгельманѣ, К. Эрдманѣ, К. Генѣ, П. Висковатовѣ, А. Котляревскомъ и нѣкоторыхъ др. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что обиліе докторовъ, особенно философіи, въ прежнемъ „дерптскомъ“ университетѣ объясняется легкостію полученія этой ученой степени въ Германіи, гдѣ она при отсутствіи степеней кандидата и магистра является собственно первой ученой степенью, а не третьей, какъ въ Россіи. Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ установилась было и въ „дерптскомъ“ университетѣ гораздо болѣе легкая процедура при полученіи высшихъ ученыхъ степеней, чѣмъ въ прочихъ университетахъ Имперіи. Этимъ и вызвано было Высочайшее повелѣніе отъ 25 октября 1893 г., воспретившее присуждать докторскую степень на медицинскомъ факультетѣ лицамъ, не имѣвшимъ еще званія лѣкаря. Г. фонъ Эттингенъ продолжаетъ, конечно, и послѣ этого указа считать „образцовыми“ прежніе „порядки“, при которыхъ-де „люди способные и приличные, напрягая всѣ силы, однимъ испытаніемъ могли достигнуть высшей степени“, забывая, что по ст. 460 уст. учебн., которымъ только и могъ въ данномъ случаѣ руководствоваться медицинскій факультетъ, отъ испытываемыхъ на доктора медицины тре-

буется гораздо больше, чѣмъ „способности и приличіе“, а именно— „безспорная ученость“, которая между тѣмъ не выносятся уже со студенческой скамьи. Притомъ, въ какомъ соотвѣтствіи находилось обиліе выпускавшихся изъ „дерптскаго“ университета докторантовъ медицины (въ 1889, 90 ихъ было 81; въ 189⁰/1—80; въ 189¹/2—80; въ 189²/3—83 ч.) съ вышеприведеннымъ отзывомъ „дерптскаго“ медицинскаго факультета отъ 21 декабря 1891 г. о громадныхъ недочетахъ въ постановкѣ на немъ преподаванія, затруднявшихъ-де выполнение общеимперскихъ плановъ преподаванія и программъ испытанія на званіе не доктора медицины, а только лѣкаря? Подобныя же послабленія позволительно предполагать въ прежніе годы и относительно испытаній на ученые степени въ прочихъ факультетахъ, которые къ тому же были тогда раздѣлены не на 2—3 отдѣленія, какъ въ прочихъ русскихъ университетахъ, а на цѣлыя десятки таковыхъ (напр., на историко-филологическомъ факультетѣ ихъ было 8, на физико-математическомъ же—10), что, конечно, не могло не облегчать студентамъ условій какъ прохожденія курса на столь дробныхъ отдѣленіяхъ, такъ и испытаній на ученые степени по овымъ. Вотъ почему и при замѣщеніи кафедръ „дерптскій“ университетъ не могъ испытывать особенныхъ затрудненій въ прискаваніи докторовъ— то заграничныхъ, то своихъ собственныхъ, „дерптскихъ“. Все-таки, если разсмотрѣть

формуляры лицъ, изъ которыхъ въ тѣ годы избираемы были совѣтомъ кандидаты на вакантныя кафедры, то оказывается, что таковыя набирались главнымъ образомъ изъ ученыхъ начинающихъ, т. е. доцентовъ, приватъ-доцентовъ, лаборантовъ, ассистентовъ, рѣже изъ профессоровъ экстраординарныхъ и еще рѣже изъ ординарныхъ. Такъ, напр., изъ 93 лицъ, избранныхъ совѣтомъ въ теченіе 1855—89 гг. въ профессора (по Praesentationsbuch'у совѣта), только 5 кандидатовъ состояли уже ранѣе ординарными профессорами, 14—экстраординарными (что въ Германіи приблизительно соотвѣтствуетъ нашимъ доцентамъ), остальные же были до того доцентами, приватъ-доцентами, лаборантами, ассистентами, учителями гимназій, бібліотекарями, практическими врачами и т. п. Бывали даже случаи, что совѣтъ при выборѣ кандидатовъ предпочиталъ ученыхъ начинающихъ болѣе заслуженнымъ, когда напр., онъ избралъ въ 1866 г. на кафедру физики приватъ-доцента Артура фонъ Эттингена, а не базельскаго ординарнаго профессора Г. Вильда, извѣстнаго потомъ нашего академика и директора главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ. Г. ф. Эттингенъ ве имѣетъ, слѣдовательно, права провизовать „подъемъ научнаго уровня юрьевскаго университета“, т. е. дѣлать заключеніе объ упадкѣ послѣдняго изъ того только обстоятельства, что и въ послѣдніе 7 лѣтъ въ число здѣшнихъ профессоровъ назначаемы были главнымъ

образомъ ученые молодые, только выступающіе на ученое поприще, а не сходящіе уже съ него.

Вѣдь и въ нѣмецкое время „дерптскій“ университетъ не занималъ особенно выдающагося мѣста между германскими университетами, оставаясь въ ихъ ряду однимъ изъ второстепенныхъ, въ родѣ университетовъ кенигсбергскаго, грейфевальдскаго, ростокскаго, кильскаго, которыхъ балтійско-приморскую цѣпь онъ замыкалъ на востокѣ и по культурнымъ задачамъ. Нельзя требовать, чтобы и въ Россіи этотъ провинціальный университетъ занялъ выдающееся положеніе, особенно теперь, когда его преобразование далеко еще не закончено и когда его бюджетъ ¹⁾ на 115—130,000 рублей въ годъ уступаетъ бюджету университетовъ св. Владиміра ²⁾, харьковскаго ³⁾, казанскаго ⁴⁾, которые между тѣмъ имѣютъ однимъ факультетомъ меньше и располагаютъ богатыми спеціальными средствами.

Что касается числа слушателей, на уменьшеніе котораго г. ф. Эттингенъ ссылается, какъ на доказательство пониженія

---

¹⁾ По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значитса 271,723 р. 85 к.

²⁾ По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значитса 379,132 р. 25 к.

³⁾ По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значитса 380,823 р.

⁴⁾ По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значитса 398,720 р. 5 к.

„научнаго уровня“ здѣшняго университета, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что число учениковъ далеко не всегда можетъ служить надежнымъ критеріемъ при опредѣленіи научнаго уровня заведенія. Какъ часто мы видимъ, что переполняются учениками гимназіи, пансіоны и т. д. посредственные, основанные на попустительствѣ и именуемые въ общежитіи *bons asinorum*, особенно если эти школы даютъ достаточныя права, тогда какъ, наоборотъ, школы правильно поставленныя, болѣе внимательныя и требовательныя къ своимъ ученикамъ, привлекаютъ къ себѣ лишь не многихъ, болѣе серьезныхъ родителей и школьниковъ! Въ отношеніи же къ университетамъ дѣйствуютъ еще другія побужденія, между прочимъ характеръ города, его величина, удобства жизни и развлеченій, легкость заработковъ, количество стипендій и пособій и т. п. Потому то и въ Германіи число университетскихъ слушателей не всегда находится въ прямомъ соотношеніи съ „научнымъ уровнемъ“ университета: въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что уровень этотъ въ Берлинѣ при его 8,313 студентахъ (лѣтомъ 1896 г.) въ 8,3 разъ, въ Вѣнѣ въ 5,7 разъ, въ Мюнхенѣ въ 3,8 разъ, въ Лейпцигѣ въ 3 раза, въ Бреславлѣ же, Вюрцбургѣ, Галле и Грацѣ въ 1,4 раза — выше, чѣмъ въ Страсбургѣ, съ его 971 студен. (за то же время), тогда какъ всѣмъ извѣстно, что по постановкѣ преподаванія и учебно-вспомогательныхъ учрежденій страсбургскій уни-

верситетъ является нынѣ однимъ изъ самыхъ выдающихся въ Германіи. Да и „дерптскій“ университетъ, какъ показано въ моей „исторической замѣткѣ“ (на стр. 26), въ самое блестящее свое время, совпадающее съ профессорскимъ институтомъ (1828—38 гг.), насчитывалъ всего по 500—600 студентовъ; въ 60—70-ые годы число ихъ колебалось между 600—900: тысяча впервые была достигнута въ 1879 г. и лишь въ 80-ые годы цифра эта, быстро повышаясь, особенно со времени изданія общаго устава 1884 г., поднялась къ 1 сентября 1890 г. до 1812. Конечно, такое переполненіе малаго и тѣснаго по аудиторіямъ, кабинетамъ, клиникамъ провинціальнаго университета вызвано было совершенно исключительными условіями, а именно: усиленными выпусками абитуриентовъ мѣстными нѣмецкими гимназіями, накануне ихъ реформы (къ 1 января 1891 г. изъ 1694 слушателей „дерптскаго“ университета 1241 были абитуриенты гимназій здѣшняго округа), накопленіемъ не малаго числа евреевъ (333 къ тому же времени), особенно же наплывомъ отовсюду слушателей медицины (863 студента мед. къ тому же сроку), заманиваемыхъ перспективою легкаго полученія докторскихъ дипломовъ, и т. п.

Если бы отмѣченая г. ф. Эттингеномъ убыль числа слушателей въ юрьевскомъ университетѣ (на 36⁰/₁₀₀ съ 1890 по 1895 г.) дѣйствительно объяснялась упадкомъ его со времени „введе-

ніа преподаванія на русскомъ языкѣ“ (что, впрочемъ, донынѣ далеко еще не завершилось, кромѣ юридическаго факультета), то было бы непонятно, почему эта убыль на столько же почти процентовъ (именно на 35⁰/₀) коснулась и богословскаго факультета, на которомъ въ 1890 году было 284 студента, а въ 1896 году только 185, хотя онъ донынѣ остается на старомъ положеніи, при нѣмецкомъ преподаваніи? Очевидно, кромѣ реформы университета эта убыль обусловлена была и многими другими, внѣ его лежащими причинами, напримѣръ, образовавшимся избыткомъ кандидатовъ въ пасторы, при огромныхъ выпускахъ таковыхъ въ прежніе годы; преобразованиемъ судебныхъ и административныхъ учрежденій края, опредѣленіе на службу въ которыхъ зависитъ нынѣ отъ правительства, а не отъ мѣстнаго дворянства; реформами прибалтійскихъ среднихъ школъ, въ которыхъ русскіе учителя предпочитаютъ уже нѣмецкимъ; и, наконецъ, отмѣною прежнихъ льготъ юрьевскаго студенчества по прохожденію курса и полученію дипломовъ, особенно на доктора медицины. Не малымъ, конечно, тормазомъ является въ этомъ отношеніи и двуязычіе преподаванія на факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и медицинскомъ, особенно для русскихъ и польскихъ студентовъ, не достаточно владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ. Этимъ главнѣйше и объясняется отмѣченный г. ф. Эттингеномъ фактъ нѣкоторой

убыли числа студентов „русскаго и польскаго происхожденія“. При этомъ слѣдуетъ, однако, оговориться, что въ относящемся сюда подсчетѣ г. фонъ Эттингена есть существенная неточность: для 1891 и 92 г. онъ взялъ всю наличность слушателей, со включеніемъ фармацевтовъ, вслѣдствіе чего получились цифры 674 и 653, тогда какъ для слѣдующихъ лѣтъ онъ взялъ однихъ студентовъ, безъ фармацевтовъ. Еслибы онъ включилъ въ эти цифры и послѣднихъ, то результатъ былъ бы нѣсколько иной, а именно: для 1893 г. не 555, а 664; для 1894 г. не 530, а 715; для 1895 г. не 474, а 640. Для 1896 г. цифра эта составляетъ 635, слѣдовательно, почти равна цифрамъ для 1892—93 гг., такъ что убыль тутъ мало замѣтна, особенно при сопоставленіи съ общимъ числомъ слушателей.

Что касается числа евреевъ, то по отчетамъ университета за послѣдніе годы имѣются для еврейскихъ студентовъ слѣдующія цифры: къ первому января:

1889 г.	ихъ было	15,3 проц.
1890	„ „ „	18,4 „
1891	„ „ „	19,7 „
1892	„ „ „	21,2 „
1893	„ „ „	20,9 „
1894	„ „ „	25 „
1895	„ „ „	24,9 „
1896	„ „ „	23,8 „

Къ 1-му же октября 1896 года ихъ числилось 20⁰/₀, т. е. почти столько-же, какъ въ 1890—91 гг., при началѣ реформы.

Относительно измѣненія „строга студенческой жизни“, „характера учебныхъ занятій“, „свободнаго“ прежде „выбора предметовъ занятій“, смѣнившася-де нынѣ „принудительнымъ посѣщеніемъ лекцій, строго распредѣленныхъ по курсамъ, на подобіе школьныхъ классовъ“, „шаблонно-школьнаго характера экзаменовъ“ и т. д., то я не считаю нужнымъ на этомъ останавливаться, такъ какъ этого рода измѣненія обусловлены—какъ выше уже упомянуто—не тѣми или другими „стремленіями ректора юрьевскаго университета“, а правительственнымъ распоряженіемъ о сближеніи его организаціи съ таковою прочихъ русскихъ университетовъ. Позволю себѣ только замѣтить, что если дипломы здѣшняго университета должны имѣть силу не въ Германіи, а въ Россіи, то вполнѣ естественно, что и тѣ научныя требованія, которыми обусловлено ихъ полученіе и которыми затѣмъ опредѣляются — безъ особыхъ государственныхъ испытаній—образовательный цензъ и права по государственной службѣ обладателей такихъ дипломовъ, должны быть согласованы съ требованіями прочихъ русскихъ университетовъ. Рѣшеніе же труднаго теоретическаго вопроса о преимуществахъ того или другого типа университетской организаціи не можетъ быть предметомъ бѣглой газетной замѣтки. Можно только утверждать, что если существуютъ уже нѣмецкій, французскій, англійскій, американскій (въ Соединенныхъ Штатахъ) типы такой организаціи, то можетъ

существовать и русскій, съ судьбами котораго по необходимости будетъ связано дальнѣйшее развитіе и юрьевскаго университета, послѣ окончательнаго отторженія его отъ типа специфически-нѣмецкаго.

Что касается, наконецъ, студенческихъ корпорацій, то г. ф. Эттингенъ слишкомъ ужъ преувеличиваетъ ихъ значеніе, идеализуя и роль ихъ въ средѣ здѣшняго студенчества. Вѣдь и въ прежнее время не все здѣшнее студенчество входило въ корпоративную организацію, а только болѣе богатая и аристократическая, такъ сказать, часть его, которая, напр., во 2-мъ семестрѣ 1892 г. составляла всего 400 студентовъ изъ 1670, т. е. едва 25% общаго ихъ числа. Остальные $\frac{3}{4}$ студентовъ либо входили въ другого рода организацію, о которой г. ф. Эттингенъ умалчиваетъ, именно въ сообщества научныя или фереины, либо оставались „дикими“ (wild). Отношенія между корпорантами и некорпорантами уже и тогда были довольно натянутыя, главнымъ образомъ вслѣдствіе притязательности первыхъ и нежеланія послѣднихъ подчиняться „вліянію корпорацій“, которое представляется столь желаннымъ г. ф. Эттингену. Во всякомъ случаѣ, не на „равенствѣ“ всѣхъ дѣтей одной и той же Alma mater основано было это дѣленіе ихъ на корпорантовъ и некорпорантовъ, дворянъ и бюргеровъ, „зажиточныхъ“ и „незажиточныхъ“, „нѣмцевъ“ и „не нѣмцевъ“, „ливонцевъ“ и „куронцевъ“, „эстонцевъ“ и „леттонцевъ“ и т. д.; не въ

этомъ дробленіи можетъ выражаться и то „органическое единеніе студенчества“, о которомъ говоритъ г. ф. Эттингенъ. Наоборотъ, оно скорѣе подрывалось такимъ дробленіемъ, которое и въ германскихъ университетахъ уже одними названіями корпорацій (напр., въ берлинскомъ университетѣ: Marchia, Guestphalia, Vandalia, Frangonia, Hevellia, Palatia, Normannia, Alamania, Borussia, Palaio-Silesia, Alsatia, Ghibellinia, Cheruscia и т. п.) указываетъ на старинную областную рознь нѣмцевъ, лишь понемногу уступающую чувству студенческаго „равенства“ съ одной стороны, а государственнаго и племенного „единенія“ — съ другой. Къ тому же г. ф. Эттингену должно быть хорошо извѣстно, что всѣ тѣ шесть корпорацій, какія здѣсь оказались при началѣ реформы, а равно и цѣлая дюжина другихъ студенческихъ обществъ, образованныхъ по группамъ то научнымъ (напр., общества богослововъ, филологовъ, историковъ, натуралистовъ), то племеннымъ (общества русскихъ студентовъ, эстонцевъ, евреевъ и нѣкоторыя друг.), благополучно существуютъ до настоящаго времени, почему и не имѣется никакого основанія говорить о „превращеніи университетской молодежи въ безсвязную, хаотическую массу, легко поддающуюся подпольнымъ вліяніямъ“, или утверждать, будто, „веселая, беззаботная жизнь дерптскихъ студентовъ и шумныя, но невинныя увеселенія ихъ смѣнились глубокою тишиною“. Конечно, прежнія „майскія ночи“ на Домской горѣ,

уличныя процессіи и факельцуги студентовъ прекратились; ихъ безшабашныя кутежи, сопровождавшіеся нерѣдко драками и даже дуэлями, — понемногу отходятъ въ область преданій; но могутъ ли подобныя „увеселенія“ считаться „невинными“ и слѣдуетъ ли отсюда, что ихъ прекращеніе, вызванное не въ малой мѣрѣ и открытіемъ съ 1889 г. въ этомъ городѣ мировыхъ судовъ, является доказательствомъ „непригляднаго настоящаго и мрачнаго будущаго“ этого университета?

„Непригляднымъ“ можетъ представляться это настоящее лишь для людей, которые вбили себѣ въ голову, вопреки всѣмъ очевидностямъ и исторіи, и статистики, что Прибалтійскія губерніи — край не русскій, даже не эстонско-латышскій, а нѣмецкій; что юрьевскій университетъ — хотя основанный русскимъ Государемъ и содержимый на средства русскихъ плательщиковъ — имѣетъ не только право, но и обязанность служить въ немъ на вѣки-вѣчныя орудіемъ германизаціи, подобно, какъ это дѣлаетъ университетъ кенигсбергскій въ литовско-польскомъ приморьѣ, бреславскій — въ польской Силезіи, страсбургскій же въ Эльзасѣ и Лотарингіи; что въ случаѣ отреченія отъ этой своей миссіи, якобы возложенной на него русскими же Государями, чуть-ли не по завѣтамъ самого Петра Великаго, университетъ этотъ потеряетъ всякое право на существованіе и можетъ вызывать — въ глазахъ балтійскихъ патріотовъ — лишь самыя „мрачныя“ предчувствія. Между

тѣмъ, еслибы г. фонъ Эттингенъ могъ хотъ нѣсколько отрѣшиться отъ этихъ нѣмецко-патріотическихъ мечтаній, претензій и предразсудковъ и еслибы онъ, какъ человекъ науки, принялъ во вниманіе прежде всего научныя задачи и цѣли этого учрежденія, то навѣрное — при нѣкоторой объективности мышленія и искренности выраженія — онъ пришелъ-бы къ совершенно другимъ выводамъ о его „настоящемъ“ и „будущемъ“. Тогда и онъ призналъ-бы, вѣроятно, что необходимость реформы этого университета обусловлена была не только соображеніями „государственной пользы“, но и чисто научными потребностями и побужденіями. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился-бы, что съ начала реформы — уже не мало въ немъ сдѣлано для подъема научнаго дѣла: открытъ цѣлый рядъ (именно 12) новыхъ кафедръ, профессуръ, доцентуръ и до 14 новыхъ ассистентскихъ должностей; возникло нѣсколько новыхъ институтовъ (гигіеническій, магнитный); значительно улучшена обстановка астрономической обсерваторіи, ботаническаго сада и кабинета, институтовъ метеорологическаго, фармацевтическаго, физиологическаго, судебно - медицинскаго; пополнены многіе важныя пробѣлы въ библиотекѣ; издана цѣлая серія „Ученыхъ записокъ“, въ которыхъ напечатанъ рядъ ученыхъ статей и нѣсколько диссертаций; наконецъ, удержано на довольно высокомъ уровнѣ, по сравненію съ прочими нашими и нѣмецкими провинціальными университе-

тами, число слушателей, которыхъ къ 1-му октября 1896 г. насчитывалось 1225, т. е. болѣе, чѣмъ было лѣтомъ 1896 г. въ университетахъ кенигсбергскомъ (721), іенскомъ (812), грейфсвальдскомъ (964), страсбургскомъ (971), геттингенскомъ (1099), тюбингенскомъ (1190), эрлангенскомъ (1180) и многихъ другихъ извѣстныхъ университетахъ германскихъ и всѣхъ безъ исключенія швейцарскихъ (напр., въ Женевѣ 832, въ Цюрихѣ 747, Бернѣ 644, Базелѣ 510 и т. д.). Что же касается научнаго уровня новоназначенныхъ русскихъ преподавателей, то на этотъ счетъ достаточно сослаться, что въ теченіе столь короткаго времени уже съ полдюжины ихъ получили почетныя приглашенія на кафедры то академіи наукъ (кн. Голицынъ), то университетовъ московскаго (проф. Бубновъ), харьковскаго (проф. Кассо), св. Владиміра (проф. Гуляевъ), Петровской академіи (проф. Карышевъ) и нѣкотор. др. Если принять во вниманіе, что все это сдѣлано при сильномъ противодѣйствіи мѣстнаго нѣмецкаго общества и нѣмецкой — отчасти и русской — печати; что юрьевскому университету, въ интересахъ сближенія съ прочими русскими, пришлось въ это именно время отказаться отъ многихъ льготъ прежняго своего положенія; что, онъ долженъ былъ переживать при этомъ всѣ неудобства переходнаго положенія, когда старое рушится, а новое едва возникаетъ надъ развалинами старины; что, наконецъ, вся эта реформа производится на

самыя скудныя средства, которыя не составляютъ и десятой доли того, что ассигновано было германскимъ правительствомъ при аналогичномъ преобразованіи страсбургскаго университета изъ заведенія французскаго въ нѣмецкое: то нужно удивляться не тому, что между ново назначенными профессорами юрьевскаго университета не всѣ имѣютъ степень доктора соотвѣтственной науки; не тому, что крайне раздутое въ концѣ 80-хъ годовъ число его студентовъ нѣсколько сократилось; не тому, что изъ числа его воспитанниковъ пока не вышло ни тайныхъ совѣтниковъ, ни академиковъ, ни путешественниковъ, а тому, что находятся люди, притомъ не изъ профановъ, которые склонны предъявлять къ нему столь необычныя и несвоевременныя требованія!

Но еще удивительнѣе, что г. ф. Эттингенъ называетъ „насилъственной“ и даже „разрушительною“ реформу, которая совершается по Высочайшему повелѣнію, съ соблюденіемъ всѣхъ легальныхъ формъ, притомъ съ такой постепенностью и даже медлительностью въ осуществленіи, которая, на примѣръ, вовсе не допущена была при преобразованіи въ Германіи страсбургскаго университета, а въ Россіи—варшавскаго.

Въ страсбургскомъ университетѣ французскій языкъ и офранцуженный учебный персоналъ сразу былъ замѣненъ нѣмецкимъ (за исключеніемъ католическо-богословскаго факультета) по преобразованіи его въ 1872 г.; въ варшавскомъ была раз-

рѣшена отсрочка всего на два года для перехода прежнихъ профессоровъ отъ польскаго языка къ русскому въ преподаваніи. Въ Юрьевѣ же и теперь еще, черезъ 7 лѣтъ отъ начала реформы, цѣлая группа преподавателей, а именно 8 на богословскомъ факультетѣ, 4 на медицинскомъ, 4 на историко-филологическомъ и 3 на физико-математическомъ, т. е. въ совокупности $\frac{1}{3}$ общаго ихъ числа, читаютъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Что же касается личнаго состава преподавателей, то обновленіе его совершается здѣсь съ такой постепенностью, что и донынѣ въ немъ остаются 24 преподавателя (въ томъ числѣ 18 профессоровъ) изъ числа избранныхъ совѣтомъ до изданія указа 20 ноября 1889 г. Изъ остальныхъ часть ихъ выбыла за смертію¹⁾, часть за выслугою установленныхъ сроковъ на пенсію²⁾, часть по собственному желанію, за перемѣщеніемъ на болѣе подходящія или выгодныя должности въ Россіи или за границею³⁾. Г. фонъ Эттингенъ, повидимому, считаетъ нѣкоторыя изъ такихъ отставокъ или увольненій недостаточно обоснованными, именно упрекаетъ за устраненіе съ кафедры химіи проф. К. Шмидта, произведенное-де „лишь съ цѣлью

¹⁾ А. Шмидтъ, Е. Валь, Л. Шварцъ, В. Гершельманъ, Л. Мендельсонъ.

²⁾ Брикверъ, О. Шмидтъ, К. Шмидтъ, Ал. и Ар. Эттингены, В. Мазингъ, Драгендорфъ, К. Эрдманъ, Ц. Висковатовъ, Бодуэнъ-де-Куртене.

³⁾ Крюгеръ, Л. Струве, Шуръ, Бонвечъ, Мюлау, Роландъ, Бергбомъ, Шредеръ, Крепелинъ, Унферрихтъ, Кнестверъ, Штадельманъ, Тома, Кобертъ.

замѣщенія его кафедры лицомъ, могущимъ преподавать на русскомъ языкѣ“. „Мы всѣ, прибавляетъ онъ патетически, еще помнимъ, какъ бодрый старикъ, „сѣдой юноша“, былъ пораженъ своей отставкой и глубоко огорченъ тѣмъ, что долженъ былъ оставить свою кафедру и любимую, созданную имъ лабораторію, въ которой провелъ большую часть своей жизни, и какъ это огорченіе подточило его жизненные силы“. Хотя отставка эта состоялась 4 іюля 1892 года, до моего прибытія въ Юрьевъ, тѣмъ не менѣе я не могу не указать по поводу этой напраслины, что К. Шмидтъ былъ уволенъ по выслугѣ въ здѣшнемъ университетѣ 45 л. въ должности преподавателя, на 70-мъ году жизни, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, который, на примѣръ, въ австрійскихъ университетахъ считается крайнимъ срокомъ профессорской службы, причемъ кафедра К. Шмидта досталась его же ученику, д-ру Тамману. При такихъ условіяхъ упрекъ г. фонъ Эттингена представляется мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что въ дѣлахъ совѣта имѣется его собственноручный Separatvotum отъ 27 апрѣля 1876 г., въ которомъ онъ высказывается именно противъ оставленія профессоръ на службѣ in infinitum и предлагаетъ назначить 35 лѣтъ крайнимъ срокомъ профессорской службы, въ интересахъ, какъ младшихъ ученыхъ, такъ и университета!...

Вотъ въ какой формѣ выражается та „руссификація“ личнаго состава университета, которую г. ф. Эттин-

генъ называетъ „насильственной!“ Еще неумѣстнѣе въ данномъ случаѣ употребленное имъ по отношенію къ университетской реформѣ выраженіе: „разрушительныя мѣропріятія“. Такіе эпитеты примѣняются обыкновенно къ дѣятельности противогосударственныхъ обществъ (напр. нигилистовъ, террористовъ, анархистовъ), а не правительственныхъ лицъ или учреждений, исполняющихъ законныя распоряженія законной власти. По существу же результатъ „разрушительныхъ“ — для нѣмечины, а не для Россіи и не для науки — мѣропріятіемъ Императора Александра III и Его сотрудниковъ въ дѣлѣ преобразования здѣшняго университета достаточно выясненъ въ предыдущемъ, почему я не стану болѣе на этомъ останавливаться.

Что же касается той „раздраженной и униженной жертвы“, которая, по словамъ г. ф. Эттингена, томится въ Прибалтійскомъ краѣ подъ гнетомъ „господствующаго народа“, то изъ „Окраинъ Россіи“ хорошо извѣстно, кто заслуживаетъ въ немъ названіе жертвы, а кто — тирана! И этого общеизвѣстнаго факта не опровергнутъ никакіе „крики отчаянія“ прибалтійскихъ нѣмцевъ, издаваемые отъ времени до времени по рецепту пресловутаго „Livländische Antwort“ г. Ширрена. Къ такимъ именно „крикамъ“ я не могу не относить „Отвѣта“ на мою „Записку“ о бюджетныхъ отношеніяхъ юрьевского университета.

А. Будиловичъ.

Юрьевъ, 31 марта 1897 г.

Handwritten signature in purple ink.

Печатали Кальнинъ и Дейчманъ (А. Г. Лизинскій)
Рига, Малая Грѣшпа: № 2.

ГПБ Русский фонд

37.59.8.214.